

ЕКАТЕРИНА II И КНЯГИНЯ Е.Р.ДАШКОВА

Отношения выдающихся личностей той или иной эпохи всегда вызывали интерес историков, психологов, любителей и ценителей литературы и истории. Особо пристальным это внимание становится, если речь идет о женщинах, одна из которых является великой государыней. История взаимоотношений Екатерины II и Е.Р.Дашковой не может оставить равнодушными исследователей и всегда будет загадкой, разгадать которую до конца вряд ли возможно. Княгиня — единственная женщина, справедливо занявшая достойное место по правую руку от великой императрицы на памятнике Екатерине II в Петербурге среди ее прославленных сподвижников.

Отношения Екатерины Великой и Е.Р.Дашковой рассматривают многие исследователи, изучающие деятельность княгини либо правление императрицы. В большинстве работ повторяются ставшие стереотипными утверждения: после дворцового переворота 1762 г. недавние приятельницы разочаровались друг в друге, и с тех пор их отношения были весьма прохладными. Государыня не доверяла Екатерине Романовне, приуменьшая ее заслуги, а та, в свою очередь, копила обиды, оказываясь временами в оппозиции к императрице¹.

Эта традиция берет начало с XVIII в.: в дневниках, мемуарах или донесениях иностранных послов при русском дворе неоднократно рассказывалось о проявлениях монаршей немилости к Е.Р.Дашковой либо о выпадах княгини против государыни². Авторы зачастую не питали добрых чувств ни к Екатерине Великой, ни к ее сподвижнице, не общались с ними близко, не были свидетелями контактов между ними. Нередко они просто пересказывали дошедшие до них слухи.

Вопрос о взаимоотношениях двух Екатериин сложен по следующим причинам. С одной стороны, эти отношения не могли оставаться неизменными в течение более чем тридцати лет. Можно выделить ряд периодов в их развитии. С другой стороны, их следует рассматривать в нескольких аспектах:

- личные взаимоотношения двух женщин;
- официальные контакты императрицы и статс-дамы ее двора;
- совместная работа двух государственных деятелей;
- точки соприкосновения взглядов мыслителей — представителей эпохи Просвещения.

Две Екатерины обнаруживают абсолютное несходство характеров и воспитания. Принцесса София Августа Фредерика росла веселым шаловливым ребенком, получая уроки оптимизма от своей воспитательницы-француженки, окруженная заботой хотя и небезупречных, но любящих родителей. Катенька Воронцова, потеряв в двухлетнем возрасте мать, практически была лишена и отцовской любви. Воспитываясь в доме дяди вместе с двоюродной сестрой Анной, она явно недополучила внимания и тепла, столь важных при формировании личности в детстве. Книжки и дружба со старшим братом Александром — самые яркие впечатления юности. Страстно желая быть любимой всеми, своими разнообразными и довольно

¹ Например: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. — М., 1983. С. 21–24, 58; Смагина Г.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова: штрихи к портрету // Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы / Составление, вступительная статья, примечания Г.И.Смагиной. — СПб., 2001. С. 9, 15, 68.

² Негативное отношение императрицы к Дашковой отмечает, например, А.В.Храповицкий (см.: Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. — М., 1990. С. 51, 62, 124, 201, 268).

глубокими познаниями она привлекала внимание к себе, но ее пылкие сердечные порывы далеко не всегда находили отклик. Отсюда чрезмерная замкнутость, амбициозность — на фоне внутренней незащищенности и чувства одиночества. То, что современники зачастую принимали за заносчивость и гордыню, уже в зрелом возрасте, возможно, было формой защиты от неискренности, равнодушия и жестокости окружающего мира.

Столь несхожие по возрасту (их разделяло 14 лет) и характеру личности оказались тесно связанными в течение нескольких десятилетий блистательного правления Екатерины II.

1. 1759 — весна 1763 гг.

Период личной дружбы двух женщин.

*Непосредственное участие Е.Р.Дашковой в политических событиях
и в дворцовом перевороте 1762 г.*

В начале 1759 г., незадолго до своего замужества, Екатерина Романовна Воронцова познакомилась с супругой наследника престола, великой княгиней Екатериной Алексеевной. Будущая государыня обладала удивительным даром привлекать к себе людей. С первой минуты знакомства и до конца жизни ум, сердце и кипучая энергия Е.Р.Дашковой принадлежали ее царственной подруге. Великая княгиня, в свою очередь, оценила и оригинальный ум, и образованность, и восторженную душу девицы Воронцовой.

Следует отметить, что в момент знакомства Екатерина Алексеевна была очень одинокой: супружеские отношения не сложились, общения с маленьким сыном она была лишена императрицей Елизаветой, к тому же совсем недавно был раскрыт заговор А.П.Бестужева, и ей важно было, с одной стороны, обрести сторонников среди придворной аристократии, а с другой — почувствовать моральную поддержку и дружеское тепло. 1759 г. стал временем тесных, малоофициальных и наиболее искренних отношений двух молодых женщин.

Существует точка зрения, согласно которой переписка двух Екатериин в этот период строилась в соответствии с правилами куртуазной игры, характерной для эпохи Просвещения. В этом «спектакле», как того требовали правила, Е.Р.Дашкова играла роль кавалера, а великая княгиня, занимающая более высокое социальное положение и бывшая старше по возрасту, — дамы. Однако обе женщины прекрасно понимали, что это не более чем игра. В реальном, «нетеатральном», мире у них были любимые мужчины³. Нетрудно заметить, что период их наиболее близкой личной дружбы практически совпадает с тем временем, когда княгиня была счастлива с обожаемым мужем. За пять коротких лет брака она подарила ему троих детей. А в жизни Екатерины Алексеевны появился тогда Г.Г.Орлов, и родился их сын Алексей, впоследствии получивший фамилию Бобринский.

Сближению женщин способствовала их обоюдная страсть к серьезному чтению и увлечение философией Просвещения⁴. Обсуждая прочитанное, делясь своими мыслями по многим, в том числе и политическим⁵, вопросам, великая княгиня и Екатерина Романовна влияли на формирование мировоззрения друг

³ Елисеева О.И. Екатерина II и Е.Р.Дашкова. Феномен женской дружбы в эпоху Просвещения // Е.Р.Дашкова и А.С.Пушкин в истории России. — М., 2000. С. 21–26.

⁴ Дашкова Е.Р. Записки 1743–1810 / Подг. текста, статья и комментарии Г.Н. Моисеевой. — Л.: Наука, 1985. С. 7. Все ссылки на «Записки» приводятся по этому изданию (далее: Записки).

⁵ Иначе зачем тогда будущая императрица просила Екатерину Романовну никому не показывать ее письма и вернуть их ей? (Письма императрицы Екатерины II // Записки княгини Е.Р.Дашковой. — М., 1990. С. 302–304.)

друга, и впоследствии их взгляды будут во многом схожи. Как и ее царственная подруга, Е.Р.Дашкова была сторонницей неограниченной, но просвещенной монархии в России (в душе признавая преимущества конституционного строя). Кроме того, молодая княгиня увидела в Екатерине Алексеевне свой идеал просвещенного монарха⁶, повинующегося законам Божьим и человеческим и опирающегося на столь же просвещенных советников, первой среди которых княгиня надеялась видеть себя. Поэтому неудивительно, что она считала дворцовый переворот 28 июня 1762 г. самым счастливым днем своей жизни.

Екатерину Романовну неоднократно обвиняли в стремлении приписать себе исключительную роль в этом событии, однако важно видеть разницу между сознательным возвеличиванием собственного «я» и вполне закономерным с психологической точки зрения стремлением молодой женщины оценивать свои поступки как беззаветное служение предмету обожания, кумиру — Екатерине Великой. «В Дашковой видели силу воли, — писал Д.Л.Мордовцев, — которая, хотя и могла исходить из юношеской экзальтации, но там, где все иногда зависит от пламенного слова, сказанного в роковой момент... там экзальтация хорошенькой женщины становится сильнее целого корпуса гренадер. Оттого вся гвардия, все товарищи ее мужа... ставили ее во главе некоего заговора»⁷. И в «Записках» княгиня стремилась передать именно свое юношеское восприятие событий 1762 г., свою преданность и не знающую границ любовь к государыне. К.Гамильтон она писала: «...Вы поймете, что я действительно увлеклась этим чувством, считая себя главным орудием революции, близкой участницей ее славы»⁸.

Современники и историки давали полярные оценки ее деятельности во время дворцового переворота 1762 г.: от признания Е.Р.Дашковой одним из главных организаторов и руководителей заговора⁹ — до отведения ей второстепенной роли¹⁰. Вероятнее всего, участие Екатерины Романовны в перевороте заключалось в том, что она была агитатором в пользу своей подруги в кругах дворянской аристократии, чем и определялся ее реальный вклад в успех заговора.

А как же считала императрица? С.А.Понятовскому она писала: «...Княгиня Дашкова, хотя и хочет приписать себе всю заслугу сего переворота, на самом деле имела весьма дурную репутацию из-за своих родственников и к тому же не пользовалась никаким влиянием... не знала ни одного имени... от княгини Дашковой приходилось даже скрывать способы сообщения со мной, пять месяцев она не знала абсолютно ничего, а в последние четыре недели ей говорили только самое необходимое»¹¹. Вместе с тем Екатерина II признавала: «К Дашкову же езжали и в дружбе и согласии находились все те, кто потом имел участие в моем восшествии... Княгиня же Дашкова с самого почти ребячества ко мне оказывала особую привязанность»¹². С резким отзывом не согласуются и щедрые награды, полученные Екатериной Романовной.

⁶ Материалы для биографии княгини Е.Р.Дашковой. — Лейпциг, 1876. С. 124.

⁷ Мордовцев Д.Л. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Мордовцев Д.Л. Русские женщины Нового времени: биографические очерки из русской истории. Т. 2. — СПб., 1874. С. 129.

⁸ Материалы для биографии княгини Е.Р.Дашковой... С. 124.

⁹ Рюльер К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. Рюльера // Путь к трону. История дворцового переворота 1762 г. — М., 1997. С. 442–451 (далее: Путь к трону); Герцен А.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Герцен А.И. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. — М., 1957. С. 375–382; Иловайский Д.И. Екатерина Романовна Дашкова // Сочинения Д.И.Иловайского. Ч. 1. — М., 1884. С. 252–254.

¹⁰ Понятовский С.А. Мемуары // Путь к трону... С. 314–315; Суворин А.А. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. — СПб., 1888. С. 34, 42–48; Лозинская Л.Я. Во главе двух академий... С. 18–22.

¹¹ Цит. по: Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. — СПб., 2005. С. 445–446.

¹² Цит. по: Чечулин Н.Д. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Русский биографический словарь. Дабелов—Дядьковский. — М., 1905. С. 120.

Почему государыня являет такое несоответствие слов и действий? Ответ можно найти в том же письме: «Говорят, будто Иван Шувалов... написал Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменила правление сей империи. Сделайте милость, разуверьте в сем великого сочинителя»¹³. А французский посол де Бретейль сообщал 13 сентября 1762 г.: «Царица спрашивала меня, знаком ли я с г-ном де Вольтером. Она хочет, чтобы я просветил его касательно истинной роли княгини Дашковой»¹⁴. Таким образом, Екатерина II с помощью Вольтера, Понятовского и многих других лиц заботилась о формировании в Европе соответствующего общественного мнения о своем приходе к власти: она **взошла** на трон, а не ее **возвели**. Делить лавры воцарения с 19-летней княгиней она не хочет — отсюда резкие отзывы о сподвижнице. Но, признавая заслуги Екатерины Романовны, государыня не скупится на награды, и в течение определенного периода отношения подруг были весьма теплыми.

Первые месяцы после восшествия на престол Екатерины княгиня, не занимая никакой придворной должности¹⁵, находилась при дворе на особом положении и пользовалась личной благосклонностью Екатерины II: ей предоставлялось помещение во дворце, встречи с императрицей стали для нее повседневностью¹⁶.

Однако скоро горизонт их отношений начал понемногу затягиваться тучами. Можно выделить несколько причин этого.

Существует точка зрения, что Е.Р.Дашкова была недовольна наградами, полученными за участие в перевороте¹⁷. Оснований для подобного вывода недостаточно: орден Св. Екатерины, звание статс-дамы и крупное денежное пожалование вряд ли можно назвать незначительными вознаграждениями. Вероятно, княгиню разочаровало прежде всего ее положение в окружении государыни после переворота: она хотела видеть себя подругой и первым советником при просвещенной монархине, та же отлучила ее от большой политики и отдала от себя. Екатерина Романовна была горько разочарована и позже, в мае 1766 г., рассуждая об императрице, в письме к брату Александру отмечала: «Маска сброшена... Никакая благопристойность, никакие обязательства больше не признаются»¹⁸.

Свою роль сыграла антипатия княгини к Г.Г.Орлову, возникшая с момента открытия Е.Р.Дашковой его личных отношений с Екатериной II. В способностях графа к государственной деятельности княгиня сильно сомневалась. Ее, возможно, угнетало то обстоятельство, что у подруги есть гораздо более близкий человек, чем она. Е.Р.Дашкова так никогда и не изменила своего отношения к фаворитизму, что стало одной из существенных причин охлаждения отношений двух женщин. Впоследствии Екатерина Романовна, по ее собственным словам, была бельмом на глазу у всех фаворитов¹⁹.

Императрице, в свою очередь, могли не нравиться претензии Екатерины Романовны на большее влияние в политической жизни, чем она хотела бы предоставить. Государыне было не по душе, что княгиня постоянно подчеркивала свою значительную роль в дворцовом перевороте. Она подозревала Екатерину Романовну в принадлежности к партии Н.И.Панина, ставившей целью ограничение самодержавия, хотя

¹³ Цит. по: *Тургенев А.И.* Российский двор... С. 445–446.

¹⁴ Там же. С. 238.

¹⁵ В статс-дамы она была пожалована только 22 сентября 1762 г., сразу после церемонии коронации.

¹⁶ *Дашкова Е.Р.* Записки. С. 52, 56, 59.

¹⁷ Например: *Огарков В.В.* Е.Р.Дашкова: ее жизнь и общественная деятельность // *Дашкова. Суворов. Воронцовы. Сперанский. Канкрин: Биографические повествования.* — Челябинск, 1995. С. 39.

¹⁸ Цит. по: *Лозинская Л.Я.* Во главе двух академий... С. 23.

¹⁹ *Дашкова Е.Р.* Записки. С. 184.

нет никаких доказательств поддержки Е.Р.Дашковой планов дяди. Наконец, одной из причин недооценки роли княгини со стороны Екатерины II стала политическая, человеческая и женская ревность. Немка, не имевшая русских корней, в одночасье ставшая владычицей огромной империи, она считала политически оправданным и необходимым, чтобы в глазах и России, и особенно Европы слава восшествия на престол принадлежала исключительно ей. «Женщину слабую, потерянную в лучах ее славы, молящуюся ей, не очень красивую, не очень умную она, вероятно, умела бы удержать при себе. Но энергичную Дашкову, говорившую о своей собственной славе, с ее умом, с ее огнем и с ее девятнадцатью годами она не могла вынести возле себя»²⁰, — отмечал А.И.Герцен, тонко проникший в психологию взаимоотношений двух выдающихся женщин.

Существует еще одна точка зрения, касающаяся причины охлаждения личных отношений Екатерины Великой и княгини. А.М.Щербинина рассказывала А.С.Пушкину в 1831 г., что ее отец был влюблен в императрицу²¹. Вряд ли это было так. Судя по «Запискам» Е.Р.Дашковой, ее любовь к мужу всегда была взаимной. Государыня в это время и мысли не допускала, чтобы рядом с ней был кто-то, кроме Григория Орлова. Наконец, фаворит не потерпел бы присутствия при дворе соперника. Возможно, что Анастасия Михайловна, обиженная на мать за отлучение от наследства, мстила ей таким образом или просто хотела привлечь к себе внимание знаменитого поэта.

Надо сказать, что благоволение Екатерины II осложняло отношения Е.Р.Дашковой с семьей. Воронцовы — сторонники Петра III — не были довольны тем, что она изменила интересам своего клана, приняв участие в свержении императора. Но еще большее возмущение родственников, судя по их письмам, вызвало то обстоятельство, что оказавшись «в случае», княгиня не добивалась монаршего внимания и пожалований для них²². А государыню могло настораживать, что ее подруга, несмотря ни на что, не порывала отношений с семьей, которая находилась в оппозиции к императрице. К тому же члены семьи княгини и братья Панины, с которыми ее связывали родственные и приятельские узы, были масонами, которых Екатерина II не жаловала уже в тот период.

2. Весна 1763 г. — первая половина 1782 г.

*Период охлаждения личных отношений Е.Р.Дашковой и императрицы.
Отход княгини от непосредственного участия в политической жизни.*

Екатерина Романовна и государыня в эти годы общались мало. Существовал ряд объективных причин: Е.Р.Дашкова не могла часто бывать при дворе, потому что в мае 1763 г. у нее родился сын, потом последовали смерть мужа и ее длительная болезнь. Наконец, княгиня с начала 1765 г. жила в основном в Москве и в имении Троицкое. На этот период приходится и две длительные поездки ее за границу.

Непосредственным поводом к охлаждению отношений между недавними подругами послужили слухи о причастности Екатерины Романовны к заговорам против императрицы. Из показаний участников заговора Хитрово и Рославлева (весна 1763 г.) явствует, что они, вербуя сторонников, говорили о поддержке их замыслов Е.Р.Дашковой и некоторыми другими столь же влиятельными персонами²³, но не существует

²⁰ Герцен А.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова ... С. 393–394.

²¹ Лозинская Л.Я. Во главе двух академий... С. 25.

²² Архив князя Воронцова. Кн. 31. —М., 1885. С. 191, 193, 220.

²³ Показания заговорщиков приводит С.М.Соловьев (см.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 13. —М., 1994. С. 199–200).

никаких реальных фактов, подтверждающих слова заговорщиков. Точно так же нет доказательств причастности княгини к авантюре В.Я.Мировича (лето 1764 г.), посещавшего в качестве просителя генерала П.И.Панина, родственника Екатерины Романовны, жившего тогда в ее доме. Княгиня отрицала даже факт знакомства с ним²⁴. Но подобные слухи, хотя и не подкрепленные никакими фактами, не могли не настораживать государыню, которая пока не очень прочно чувствовала себя на троне. А у иностранных дипломатов складывалось превратное впечатление, что императрица запретила Е.Р.Дашковой являться ко двору²⁵.

Особо следует сказать о так называемом заговоре Н.И.Панина 1773–1774 гг. с целью свержения Екатерины II и возведения на престол ее сына Павла. Княгиня якобы была в числе его организаторов. Однако единственное свидетельство о заговоре — воспоминания М.А.Фонвизина, написанные в сибирской ссылке, где приведен рассказ его отца об этом заговоре²⁶. Сообщение декабриста не подтверждается никакими другими источниками, и поэтому нет полной уверенности в его достоверности. Екатерина Романовна не могла участвовать в этом заговоре уже потому, что вряд ли он существовал²⁷. Иначе почему Павел Петрович, едва взойдя на престол, тотчас отправил в ссылку Е.Р.Дашкову, которая двадцать лет назад будто бы хотела сделать его императором? И как могла государыня в апреле 1774 г. в своем письме «заговорщице» назвать ее одним из самых преданных себе людей²⁸? Таким образом, после дворцового переворота 1762 г. княгиня больше не принимала участия в заговорах: убеждения и верность Екатерине II не позволяли ей этого.

Как уже отмечалось, императрица была для Е.Р.Дашковой образцом просвещенного монарха, «о коей похвала и к коей благодарность не перестают изображаться, пока сердце хоть одного прямого россиянина бить не перестанет»²⁹. «...В своей бескорыстной и неизменной любви к ней я готова была слушаться ее во всем, что не шло вразрез с моими принципами», — с гордостью подчеркивала Екатерина Романовна в «Записках»³⁰. Идеалом общественного устройства была для княгини английская конституционная монархия: «Правление их... превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях»³¹. Если бы на русском престоле оказалась не Екатерина II, а любой другой государь, Е.Р.Дашкова, возможно, была бы сторонницей ограничения власти монарха и для своей Родины. Но, будучи искренне преданной императрице, она полагала, что формой правления, наиболее полно отвечающей особенностям и интересам России на данном историческом этапе, является просвещенная самодержавная монархия: «...просвещенный и кроткий государь, пекущийся о благе подданных, есть драгоценнейший залог милующего промысла»³², а долг каждого члена общества заключается в беспрекословном повиновении своему «государю, помещику и начальнику»³³.

²⁴ Дашкова Е.Р. Записки. С. 67–69.

²⁵ Так интерпретировал события английский посол Дж. Макартни (см.: Тургенев А.И. Русский двор... С. 239).

²⁶ Фонвизин М.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. — Иркутск, 1982. С. 127–129.

²⁷ Плотников А.Б. Политические проекты Н.И. Панина // Вопросы истории, 2000. № 7. С. 75.

²⁸ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1207. Л. 337.

²⁹ Дашкова Е.Р. Письмо к издателям // Друг просвещения, 1804. Ч. 4. № 10. С. 41.

³⁰ Она же. Записки. С. 141.

³¹ Она же. Путешествие одной знатной госпожи по некоторым английским провинциям: Письмо к другу // Опыт трудов Вольного Российского собрания, 1775. Ч. 2. С. 106.

³² Она же. Записки тетушки // Новые ежемесячные сочинения, 1786. Ч. 1. С. 63.

³³ Она же. Истины, которые знать и помнить надобно, дабы, следуя оным, избежать несчастий // Новые ежемесячные сочинения, 1795. Ч. 114. С. 5.

Несмотря на некоторое отдаление княгини от Екатерины II, нельзя говорить о ее опале в этот период. Когда она являлась ко двору, то встречала тот прием, который должен оказываться статс-даме³⁴. Она участвовала в праздновании десятилетия восшествия императрицы на престол³⁵ и в торжествах по случаю заключения Кучук-Кайнарджийского мира³⁶. Неоднократно ей делались крупные денежные пожалования: в июне 1767 г. — 20 000 р. на уплату долгов³⁷, в декабре 1771 г. — 10 000 р.³⁸ В 1772 г., сразу по приезде из-за границы, Екатерина Романовна нашла милостивый прием при дворе. Государыня справилась о ее здоровье, подарила сначала 10 000 р., потом — 60 000 р.³⁹

Находясь за пределами России, Е.Р.Дашкова встречалась с монархами и государственными деятелями ведущих европейских держав как сподвижница и посланница доброй воли Екатерины Великой. Несомненно, что Иосиф II, А.В.Кауниц и Фридрих II, принимая княгиню, демонстрировали свою заинтересованность в дружественных отношениях с российской императрицей, хотя в дипломатических кругах не могли не знать, что Екатерина Романовна в то время не занимала государственных постов и с 1764 г. реально не участвовала в придворной жизни. Е.Р.Дашкова достойно представляла в Европе свою страну и государыню, вызывая живейший интерес не только как участница дворцового переворота, но и как уникальная образованнейшая русская женщина с самобытным характером и достаточно объективными взглядами на европейскую культуру и политику. Екатерина II, несомненно, получала сведения о том, как отзывается о ней княгиня — отсюда доброжелательный прием всякий раз по возвращении ее из заграничных путешествий.

3. Вторая половина 1782 г. — август 1794 г.

Новое сближение Екатерины II и Е.Р.Дашковой как государственных деятелей

В этот период правление Екатерины II находилось в апогее: никто не сомневался в величии русской императрицы и прочности ее трона. Она по-прежнему была покровительницей многих просветителей, формирующих общественное мнение Европы. Княгиня же возвращалась в Россию зрелой самостоятельной женщиной, весьма уверенной в себе, с высоким чувством собственного достоинства и с желанием посвятить сына служению Отечеству.

Впервые после долгой разлуки государыня и Екатерина Романовна увиделись 10 июля 1782 г. В камер-фурьерском журнале было записано, что в парадных покоях царскосельского дворца камер-фрейлина А.С.Протасова представила ее величеству «приезжих княгиню и госпожу статс-даму Катерину Романовну Дашкову с дочерью ее и сыном», которые были пожалованы к руке и приглашены к обеду⁴⁰. Княгиня в «Записках» оценила этот прием как весьма милостивый⁴¹.

Встреча была желанной как для императрицы, так и для Е.Р.Дашковой. Горечь старых обид уже успела утихнуть, новые причины для обострения отношений появятся еще очень не скоро. Княгиня с нетерпением ждала свидания с государыней для решения вопроса о карьере сына. Екатерине Великой было лю-

³⁴ Например: Камер-фурьерский журнал (далее: КФЖ), 1774. С. 368, 372, 482, 537; КФЖ, 1775. С. 74, 76–77.

³⁵ КФЖ, 1772. С. 224, 230.

³⁶ КФЖ, 1775. С. 451–460.

³⁷ РГАДА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3886. Л. 200, 202.

³⁸ Там же. Л. 168 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3886. Л. 121; Дашкова Е.Р. Записки. С. 92–93.

⁴⁰ КФЖ, 1782. С. 324–328.

⁴¹ Дашкова Е.Р. Записки. С. 133–135.

бопытно пообщаться с приятельницей, почти семь лет прожившей за границей. Е.Р.Дашкова всегда хотела быть соратницей и помощницей просвещенной монархини, хотя уже и не надеялась на это. А императрица, несмотря на свою абсолютную власть, в то время еще разделяла многие идеи Просвещения и надеялась на их воплощение в реальной российской действительности. Кто, как не Екатерина Романовна, может ей в этом?

В 1780-х — первой половине 1790-х гг. княгиня участвовала в разработке и осуществлении государственной политики в сфере науки и образования. По воле императрицы она стала руководителем двух академий. Вероятно, в это время Екатерину II и княгиню продолжала волновать идея создания «новой породы людей» путем «совершенного воспитания». Екатерина II в 1777 г. стала бабушкой и руководила воспитанием и образованием старших внуков, Александра и Константина. Она написала для них «Бабушкину азбуку» и надеялась на практике воплотить идеи просветителей (прежде всего Дж. Локка), которые обсуждала с Екатериной Романовной еще два десятилетия назад. Педагогические взгляды двух женщин были весьма схожими. Обе считали, что не природа, а воспитание определяет судьбы людей⁴². И императрица, и Е.Р.Дашкова полагали необходимым обеспечить нормальное физическое развитие детей, отдавали нравственному воспитанию приоритет перед образованием⁴³.

В 1782 г., вскоре после приезда из-за границы, Екатерина Романовна получила ряд жалований: 35 000 р. на покупку дома, с. Круглое Могилевской губернии, еще 35 000 р. на постройку дома в этом поместье; несколько позже ее племянница, дочь Елизаветы Полянской (бывшей фаворитки Петра III) стала по просьбе тетушки фрейлиной⁴⁴.

Существует мнение, что в 1782—1783 гг. княгиня была задействована в большой политической игре Екатерины II и Г.А.Потемкина. Англия в это время стремилась к сближению с Россией, надеясь использовать ее как союзницу в войне с североамериканскими колониями. А для императрицы необходимо было обеспечить невмешательство европейских держав в русско-турецкие отношения во время присоединения Крыма к России и ни в какую войну в интересах Англии не вступать. Поэтому Г.А.Потемкин решил создать иллюзию наличия при дворе проанглийской партии, которая якобы оказывала сильное влияние на Екатерину II. И расположение, которое государыня демонстрировала Е.Р.Дашковой, известной своим англофильством, дипломатические круги должны были воспринимать как признак внимания российской императрицы к расширению контактов с Англией. Политических целей Г.А.Потемкин и Екатерина II достигли — Англия не препятствовала присоединению Крыма к России. После этого от влияния княгини остается лишь видимость. Согласно излагаемому подходу, Екатерина Романовна скорее всего не поняла, что ее использовали в политической игре, поэтому сохраняла добрые отношения с Г.А.Потемкиным⁴⁵.

Есть основания считать, что Е.Р.Дашкова была далека от участия во внешнеполитических акциях. Вернувшись из-за границы, она стремилась помочь сыну занять достойное место на службе Отечеству. Отсюда ее контакты с Г.А.Потемкиным — руководителем Военной коллегии. Отношениям государыни и

⁴² Лавровский Н. О педагогическом значении сочинений Екатерины Великой. — Харьков, 1856. С. 66—68; Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»... С. 94, 120.

⁴³ Лавровский Н. О педагогическом значении... С. 66—68; Сборник Русского исторического общества. Т. 27. — СПб., 1880. С. 302, 304, 309—316; Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»... С. 124.

⁴⁴ КФЖ, 1783. С. 324—328; Дашкова Е.Р. Записки. С. 133—135.

⁴⁵ Елисеева О.И. Е.Р.Дашкова и Г.А. Потемкин (внешнеполитические аспекты придворной жизни) // Е.Р.Дашкова и ее время: исследования и материалы. — М., 1999. С. 51—64; Она же. Григорий Потемкин. — М., 2005. С. 284—288.

Екатерины Романовны в 1782–1783 гг. скорее всего не был присущ особый дипломатический акцент. При том честолюбии и амбициозности, которые многие современники приписывали княгине, она не смогла бы не разыграть карту своего политического влияния на судьбы Европы в «Записках». В период написания мемуаров большинства участников событий уже не было в живых, поэтому Е.Р.Дашкова могла бы честно констатировать свою значимость. Но этого нет в ее воспоминаниях. Маловероятно и то, что Екатерина Романовна при ее уме, талантах и интересе к политическим делам (который племянница канцлера М.И.Воронцова проявляла даже в детские годы) не заметила своего участия в этой игре. Англофильство же семьи Воронцовых никогда не было слепым поклонением. Княгиня, а также ее братья Александр и Семен уважали прогрессивные преобразования наиболее развитой европейской державы того времени и благом для России считали использование политического и экономического опыта Англии, но не безусловное копирование британских образцов.

Е.Р.Дашкова искренне радовалась дружбе с Г.А.Потемкиным, которая сулила высокое положение ее сыну. Она познакомилась с будущим «светлейшим» в 1774 г. в Москве, когда он по призыву государыни мчался в Петербург, к своему «случаю». Хорошо известно, насколько негативно относилась Екатерина Романовна к фаворитам. Только Григорий Александрович стал исключением. Дело, скорее всего, даже не в его особом могуществе. Любой из фаворитов был достаточно влиятельным для того, чтобы настроить Екатерину II против княгини, и Е.Р.Дашкова никогда не боялась не только показывать им свою холодность, но даже вступала в конфликты. Следует отметить две причины добрых отношений Г.А.Потемкина и Екатерины Романовны. Во-первых, они понимали масштаб личности друг друга и поэтому прониклись взаимной приязнью. Княгиня Дашкова — тот редкий человек, уважение которого можно ценить, что несомненно чувствовал «светлейший». Во-вторых, не исключено, что Екатерине Романовне было известно о тайном браке императрицы и Григория Александровича — поэтому она не распространяла на венчанного супруга ее величества чувства, которые питала к любовникам коронованной подруги.

Следует затронуть один весьма деликатный вопрос, касающийся личных отношений двух женщин. Императрица была крестной матерью Павла Дашкова, и княгиня очень болезненно воспринимала слухи о том, что ее сын станет фаворитом, а некоторые придворные готовы были поспособствовать этому. Более того, некоторые современники считали «случай» сына вождеденной мечтой Екатерины Романовны. Видимо, они меряли ее мерками своего времени: многим казалось, что добиться положения фаворита — самый большой из жизненных успехов. Рассматривая этот вопрос применительно к отношениям Е.Р.Дашковой и Екатерины II, есть основания считать, что подобное развитие событий было невозможно, и самой государыне такая мысль даже не могла прийти в голову. Зная о неприятии подругой фаворитизма, она не захотела бы оскорбить Екатерину Романовну подобным образом. Гласный и негласный отпор княгини в этом случае (отставка ее и отъезд за границу) мог повредить авторитету императрицы. Более того, Екатерина II вынуждена была демонстрировать уважение к русской православной церкви, главой которой являлась. При всем своем «вольтерьянстве» атеисткой она никогда не была. Неужели крестник, ее **сын перед Богом**, мог стать ее любовником? Впрочем, скольких мужчин, с которыми государыню не связывало ничего, молва сделала ее фаворитами? И ведь всегда находились те, кто верил в подобные суждения. Если все же допустить, что Е.Р.Дашкова стремилась к «случаю» сына, Екатерину II могло бы остановить то обстоятельство, что «корыстная» и «властолюбивая» (по мнению молвы) мать нового фаворита может пожелать слишком многого. Таким образом, слухи об этом несостоявшемся романе надо расценивать только как один из анекдотов екатерининского правления.

Княгиня в 1780-х — первой половине 1790-х гг. занимает видное положение при дворе и является одной из наиболее приближенных к государыне особ. Каждая из женщин искала в другой духовно близкого человека, с которым можно обсудить многочисленные дела и найти поддержку в горестях. В 1782 г. в письме к П.Строганову Екатерина II так рассуждала о Е.Р.Дашковой: «Какие бы усилия она ни предпринимала, чтобы завладеть моим сердцем, большего достичь ей не удастся. Оно уже целиком и давно принадлежит ей»⁴⁶. Императрице было приятно общаться со столь знаменитой и редкой в придворных кругах собеседницей. Она сразу же оценила европейскую культуру Екатерины Романовны, разнообразие и глубину ее познаний и прежнюю пылкую преданность своей императрице. Как многоопытный политик с тонкой интуицией, она смогла использовать таланты Е.Р.Дашковой в государственных интересах, приобщив ее к служению отечественной науке и культуре.

В своих «Записках» Екатерина Романовна отмечала, что ездила «два-три раза в неделю к императрице»⁴⁷. Ее положение при дворе было в этот период прочным и стабильным, она бывала у государыни в нужное ей время и находила прием, соответствующий занимаемым ею высоким должностям.

Однако такой порядок посещения ею двора сложился не сразу. В 1782 г. княгиня появлялась здесь пока еще нечасто и нерегулярно. Камер-фурьерский журнал три раза отмечал ее присутствие на обедах и дважды — на придворных церемониях⁴⁸.

Скорее всего, визитов ко двору было больше. Так, до 1789 г. участники эрмитажных собраний в журналах не фиксировались, а в «Записках» Е.Р.Дашкова сообщает, что вскоре после приезда из-за границы государыня пригласила ее на спектакль в Эрмитажный театр, куда «допускались очень немногие»⁴⁹.

Самым интенсивным и близким было личное общение и деловое сотрудничество двух Екатериин в 1783 г. В начале его, 24 января, был издан указ о назначении Е.Р.Дашковой директором Императорской Академии наук. Княгиня со всей присущей ей ответственностью принялась за нелегкое и новое для нее дело, понимая, что для успешного его исполнения необходимы постоянные встречи с государыней.

Всего за 1782—1794 гг. Екатерина Романовна упомянута в камер-фурьерских журналах 481 раз, то есть в среднем 37 раз в год, в 1783 г. — 75 раз. Она показана при дворе 414 дней в течение тринадцати лет (за один день журналы могли упоминать о ней несколько раз), из них 216 — воскресенья, 199 — остальные дни недели. В 1783 г. в воскресенье она названа 18 раз, в остальные дни недели — всего 39 раз. Такой режим визитов к государыне не случаен. Е.Р.Дашкова постоянно информировала Екатерину II о работе двух академий: в субботу академики собирались на заседания в доме княгини, а в воскресенье она отправлялась к императрице с докладом.

Участие Екатерины Романовны в придворной жизни было весьма многогранным. Она постоянно приглашалась к столу ее величества, причем не только на праздничные парадные обеды⁵⁰ или к трапезе в «столовой комнате», где мог присутствовать любой придворный⁵¹, но и к «малому» столу, накрывавшему-

⁴⁶ Royal Irish Academy (Архив Ирландской Королевской Академии). 12 L 34. P. 243.

⁴⁷ Дашкова Е.Р. Записки. С. 167.

⁴⁸ КФЖ, 1782. С. 326—328, 393, 553—554 (обеда); 324—328, 366 (церемонии).

⁴⁹ Дашкова Е.Р. Записки. С. 135.

⁵⁰ Например, в 1783 г. — 7 раз (КФЖ, 1783. С. 153, 307, 355, 370, 393, 488, 531).

⁵¹ Например, в 1783 г. — 18 раз (КФЖ, 1783. С. 135, 174, 186, 199, 202, 214, 217, 229, 232, 244, 299, 302, 304, 455, 465, 521, 566, 640). В среднем, Екатерина Романовна приглашалась на подобные обеды 17 раз в год.

ся в «эрмитажной» или «зеркальной» комнате. Трапезу государыни делили в этом случае лишь несколько наиболее близких ей лиц⁵². Е.Р.Дашковой вскоре по возвращении ее из-за границы было передано, что «мой куверт всегда будет накрыт за этим столом, и что императрица... всегда будет очень рада видеть меня за обедом»⁵³.

По вечерам княгиня с наиболее близкими к Екатерине II лицами нередко приглашалась во внутренние покои государыни⁵⁴, и при перечислении присутствовавших камер-фурьерские журналы, назвав ее по имени, очень часто остальных гостей обозначают как «прочих особ» и «знатных персон». Сама Е.Р.Дашкова запомнила посещение внутренних покоев ее величества как повседневное явление своей жизни: «Я, по обыкновению, поехала к императрице провести вечер с ней в интимном кружке»⁵⁵.

Особы, бывавшие при дворе, обедавшие с Екатериной II, сопровождавшие ее в поездках, за редким исключением перечислялись журналами в соответствии со своими придворными должностями во-первых и чинами во-вторых. Однако если какое-либо лицо занимало особое положение, оно упоминалось в первую очередь, сразу за членами августейших фамилий, перед всеми персонами одного с собой чина. Екатерина Романовна почти всегда показывалась в журнале первой. Это, с одной стороны, обусловлено благосклонностью к ней императрицы, а с другой — высоким положением при дворе как одной из старших статс-дам.

Важные события в семье Екатерины II часто отмечались торжествами, на которых присутствовали очень многие лица. Е.Р.Дашкова являлась ко двору в день рождения и тезоименитства государыни, в Рождество или Новый год. Она участвовала в церемонии крещения пяти внучек императрицы, восприемницей которых была бабушка. Княгиня шла в церковь следом за государыней и августейшей семьей, неся «высоконоворожденную» великую княжну на золотой глазетовой подушке под таким же покрывалом, в церкви же Екатерина Романовна стояла рядом с императрицей, держа маленькую царевну⁵⁶.

В 1783 г., во время наиболее близкого общения двух женщин, Е.Р.Дашкова приняла участие в путешествии во Фридрихсгам, где государыня встречалась со своим двоюродным братом, шведским королем Густавом III: «Она так любезно и дружески просила меня сопровождать ее, как будто я этим приносила ей большую жертву...»⁵⁷. Ни до, ни после Е.Р.Дашкова таких приглашений не получала, а на этот раз оказалась единственной дамой в свите Екатерины II.

Летом каждого года, в течение полутора-трех месяцев княгиня не показывается в камер-фурьерских журналах. Это согласуется с данными «Записок» о том, что она брала отпуск и ездила в свои поместья⁵⁸.

Личные отношения с императрицей в рассматриваемый период долгое время оставались очень теплыми, что неоднократно отмечается Е.Р.Дашковой в «Записках». Даже ее конфликты с фаворитами какое-то

⁵² Например, в 1787 г. — 16 раз (КФЖ, 1783. С. 26, 69, 85, 101, 110, 262, 416, 477, 500, 513, 554, 560, 586, 562, 630, 633). В среднем, Е.Р.Дашкова приглашалась на «малые» обеды 10 раз в год.

⁵³ Дашкова Е.Р. Записки. С. 145.

⁵⁴ Например, в 1783 г. — 11 раз (КФЖ, 1783. С. 231, 233, 242, 303, 350, 428, 429, 436, 457, 466, 541). В среднем, подобные упоминания встречаются в камер-фурьерских журналах 6 раз в год.

⁵⁵ Дашкова Е.Р. Записки. С. 173.

⁵⁶ КФЖ, 1783. С. 389; КФЖ, 1784. С. 613–615; КФЖ, 1785. С. 121–125; КФЖ, 1788. С. 289–302; КФЖ, 1792. С. 367–368. (6 августа 1783 г. — Александры Павловны, 22 декабря 1784 г. — Елены Павловны, 12 февраля 1786 г. — Марии Павловны, 12 мая 1788 г. — Екатерины Павловны, 18 июля 1792 г. — Ольги Павловны).

⁵⁷ Дашкова Е.Р. Записки. С. 159.

⁵⁸ Там же. С. 156, 163, 167.

время не портили их. Государыня умела чутко улавливать настроение приятельницы, что очень ценила княгиня. Когда сын Екатерины Романовны женился, не спросив благословения матери, даже не поставив ее в известность о своем браке, княгиня была потрясена. Государыня, «заметив, что я была печальна... старалась развлечь меня веселыми и смешными разговорами, которые она одна умела придумывать в одну минуту»⁵⁹. Но с 1789 г. А.В.Храповицкий фиксирует резкие отзывы Екатерины II о Е.Р.Дашковой. Екатерине Великой было уже шестьдесят. Она устала, изменился ее характер. Княгиня чрезмерным рвением в решении академических проблем нередко давала повод для раздражения императрицы. Иногда оно возникало и без повода. Вслед за ее величеством колкости по отношению к ней стали позволять себе придворные, и княгиня почувствовала себя при дворе неуютно. Но некоторое личное охлаждение совершенно не влияло ни на общение двух Екатерин как государственных деятелей, ни на высокое положение Е.Р.Дашковой при дворе.

Весьма сложной является проблема отдаления княгини от службы. Традиционно фактическую отставку Екатерины Романовны связывают с недовольством государыни публикацией в типографии Академии наук трагедии Я.Б.Княжнина «Вадим Новгородский». Однако пьеса была издана в ноябре 1793 г., тогда же о ней узнала и императрица, которая восприняла это не как политический выпад Е.Р.Дашковой, а как следствие ее недостаточного внимания к цензуре⁶⁰. Неужели за обычный недосмотр она могла отстранить свою сподвижницу от службы? Княгиня подала прошение об отставке и весьма прохладно попрощалась с государыней лишь в августе следующего 1794 г. Вряд ли конфликт мог растянуться на несколько месяцев. К тому же все это время, судя по камер-фурьерским журналам, Екатерина Романовна бывала при дворе и виделась с императрицей так же часто, как обычно⁶¹. Возможно, существовала какая-то другая причина отхода Е.Р.Дашковой от дел, о которой она не хотела говорить, поэтому в «Записках» и придала такое значение публикации «Вадима». Зато момент отставки княгини (август 1794 г.) совпадает со временем выхода в свет последнего тома «Словаря Академии Российской» — складывается впечатление, что Екатерина Романовна не оставляла своего поста до тех пор, пока не завершила главного дела, предпринятого ею как руководителем Российской Академии.

Можно предположить, что причиной отдаления Е.Р.Дашковой и Екатерины II во второй половине 1780-х — начале 1790-х гг. стало издание «Словаря Академии Российской» с одной стороны и с другой — сравнительного словаря всех языков, предпринятого Санкт-Петербургской Академией наук при участии императрицы⁶². Идея составления последнего опиралась на достижения филологической науки, находившейся в то время под влиянием концепций Р.Декарта, Г.В.Лейбница и Ф.Бэкона о языке и о

⁵⁹ Дашкова Е.Р. Записки. С. 166.

⁶⁰ Материалы для биографии княгини Е.Р.Дашковой... С. 93.

⁶¹ В сентябре—декабре 1793 г. Е.Р.Дашкова присутствовала на восьми «больших» обедах (КФЖ, 1793. С. 724, 763, 785, 826, 840, 847, 898, 923 — в том числе, в день рождения Александра Павловича и на Рождество), на четырех «малых» (С. 712, 833, 853, 909), трижды — по вечерам во внутренних покоях (С. 866, 902, 932 — в том числе, в день тезоименитства государыни). В январе—августе 1794 г. КФЖ называет ее на «больших» обедах четырежды (КФЖ, 1794. С. 21, 49, 279, 397 — в том числе, в Новый год и в день рождения Марии Федоровны), на «малых» — 12 раз (С. 20, 29, 47, 65, 173, 186, 204, 214, 228, 240, 277, 304 — в том числе, в день рождения императрицы), по вечерам во внутренних покоях — 4 раза (С. 21, 49, 279, 307), в Эрмитаже — 4 раза (С. 68, 86, 161, 292).

⁶² Сравнительные словари всех языков и народов, собранные десницею Высочайшей особы / Обработал и издал П.С.Паллас. Т. 1—2. —СПб., 1787—1789.

родстве всех языков, которые от него произошли. Родство языков устанавливалось на основе внешнего звукового сходства их слов. В 1773 г. ученым разных стран было разослано объявление с просьбой о содействии в работе по созданию сравнительного словаря всех языков, в нем содержался список из 300 слов с «руководством по собиранию речений». Полученные материалы в середине 1780-х гг. были систематизированы П.С.Палласом, и императрица также включилась в эту работу. В 1787 г. вышел первый том словаря, в 1789 г. — второй (на русском и латинском языках). Словарь содержал 285 слов из 51-го европейского и 149-ти азиатских языков. Исследователи того времени восхищались небывалым по своей полноте и уникальности научным трудом⁶³.

Таким образом, в одно и то же время Екатерина Великая и Е.Р.Дашкова готовили два словаря, каждый из которых представлял в то время значительную научную ценность. Составление и издание их преследовало разные цели, эти работы были совершенно несопоставимы — словарь русского языка и сравнительный словарь ряда языков, — поэтому они вполне могли бы сосуществовать, не составляя друг другу конкуренции и найдя свое место в науке. Однако каждая из их создательниц негативно оценила труд другой.

«Это, быть может, самый полезный труд, какой когда-нибудь был произведен для всех языков и словарей, и особенно для русского языка, для которого Российская Академия задумала составить словарь, для чего она, сказать правду, совершенно не имеет достаточных сведений», — писала Ф.М.Гримму государыня 28 июня 1785 г.⁶⁴ Через полгода она возвратилась к этой щекотливой теме: «Обер-шталмейстер Нарышкин и я, мы завязтые невежды, и своим невежеством бесим обер-камергера Шувалова и графа Строганова, которые, и тот и другой, состоят членами по меньшей мере 24 академий и, в частности, Российской. Вот отчасти, чтобы побесить их и показать им, что им приходится сообразовать свой Русский словарь с мнением невежд, мы и составили наш словарь на Бог весть скольких языках...»⁶⁵.

Среди критиков оказалась и Екатерина Романовна: «Просвещенная часть общества отдавала мне справедливость и сознавала, что учреждение Российской Академии и быстрота, с какой двигалось составление первого у нас словаря, стояли в зависимости исключительно от моего патриотизма и энергии. Но придворная партия находила, что словарь, расположенный в словопроизводительном порядке, был очень неудобен, и сама императрица не раз спрашивала меня, почему мы не составляли его в алфавитном порядке... Не знаю, почему императрица, способная обнять самые высокие мысли, не понимала меня... Она занималась в это время составлением также чего-то вроде словаря, редактируемого Палласом [в содержащемся здесь же авторском примечании княгиня оценивает ученого как «безнравственного, беспринципного и корыстного человека». — Л.Т.] ... это ненужное и странное произведение внушало мне отвращение, хотя все его и расхваливали как чудесный словарь»⁶⁶.

Обе женщины были весьма честолюбивы, при этом каждая считала себя объективной. Екатерина Романовна могла полагать, что словарь многих языков уменьшит славу ее словаря. Императрица, возможно, думала то же самое о «Словаре Академии Российской». Е.Р.Дашкова знала, что вместе с государыней

⁶³ Файнштейн М.Ш. История одной коллекции // Латинская Америка, 1990. № 12. С. 127–131.

⁶⁴ Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив, 1878. Кн. 3. С. 114–115.

⁶⁵ Там же. С. 120.

⁶⁶ Дашкова Е.Р. Записки. С. 155–156.

работает ее неприятель П.С.Паллас — это также не позволяло княгине объективно оценить труд государыни. Княгиня могла негативно отозваться о словаре своей коронованной «конкурентки». До ее величества, несомненно, информация об этом дошла, и она оплатила Екатерине Романовне той же монетой, предъявив такие же обвинения (некомпетентность в подобной работе и ненужность ее словаря), хотя сегодня достаточно трудно сказать, кто из женщин первой выступил с незаслуженной критикой.

Реакция государыни могла быть столь сильной еще и потому, что целый ряд придворных не понимал, над чем работает Екатерина II. Однако они — не ученые, им простительно не разбираться в «высоких материях». Но Е.Р.Дашкова, воспринявшая те же идеи Просвещения, читавшая работы тех же философов... Низкая оценка ею словаря многих языков была для императрицы особенно обидной — и вызвала стремление защититься (как оказалось — путем нападок на работу «соперницы»).

4. Август 1794 г. — ноябрь 1796 г.

Отдаление Е.Р.Дашковой от государственной деятельности и придворной жизни.

Прекращение личных контактов с государыней

Княгиня не виделась в этот период с императрицей, поскольку жила в Москве и Троицком. Следует отметить, что Екатерина II дала ей не отставку, а двухгодичный отпуск, в 1796 г. продленный еще на год, видимо, не исключая возможности возвращения на службу.

Доказательством того, что государыня помнила о Екатерине Романовне и высоко ее ценила, служит следующий факт. В 1796 г. она намеревалась пригласить Е.Р.Дашкову в Петербург, чтобы та сопровождала ее внуку Александру Павловну в Швецию в случае брака великой княжны с королем Густавом-Адольфом⁶⁷. Выбор императрицы не случаен. Княгиня была одной из старших и наиболее уважаемых статс-дам ее двора, в преданности которой она могла быть уверена. Е.Р.Дашкова имела большой авторитет в Европе как видный государственный деятель и, оказываясь за границей, всегда защищала интересы своей государыни. Кроме того, никто не подвергал сомнению безупречную нравственность Екатерины Романовны, что было немаловажно: если бы эта поездка состоялась, княгине пришлось бы поддерживать репутацию великой княжны и российского двора.

Е.Р.Дашкова пережила Екатерину Великую более чем на десять лет. Харизматическое отношение к государыне сохранилось у нее навсегда. На склоне лет княгиня писала: «Я душевно была привязана и по гроб чувства свои сохраняю к Великой монархине, благотворительнице России», которую Бог отличил «превосходными дарованиями»⁶⁸. И в своих мемуарах она отзывалась о покойной императрице с большим уважением, не позволяя себе ни единого резкого слова даже тогда, когда приводит свидетельства немилости со стороны Екатерины II.

Существует версия, что княгиня была знакома с «Записками» императрицы. На это указывают сюжетные и текстовые параллели в мемуарах обеих женщин. И государыня, и Екатерина Романовна повествуют о своем психологическом состоянии в тот или иной период жизни в похожих выражениях. Обе уделяют большое внимание своему детству, подчеркивая свое одиночество в кругу семьи и стремление добиться любви близких; интерес к серьезному чтению и политическим вопросам с весьма

⁶⁷ Дашкова Е.Р. Записки. С. 178.

⁶⁸ Она же. Письмо к издателям // Друг просвещения, 1804. Ч. 2. № 4. С. 38.

юного возраста; мемуаристки любят описывать свои путешествия и рассматривают болезни как некий жизненный рубеж, после преодоления которого они становятся сильнее. Наконец, и Екатерина II, и княгиня в юности дружили с женщинами гораздо старше себя⁶⁹.

Впервые «Записки» императрицы были опубликованы А.И.Герценом только в 1859 г., и факт знакомства с ними Е.Р.Дашковой говорит о доверительном общении двух Екатерин. Княгиня начала работать над своими воспоминаниями в 1804 г., спустя несколько лет после смерти государыни. Вряд ли она могла настолько хорошо помнить прочитанное или слышанное много лет назад, чтобы писать практически в тех же выражениях, что и императрица. Можно предположить, что она либо имела неизвестный список воспоминаний государыни, либо, знакомясь с ее мемуарами, делала выписки — и много лет спустя пользовалась этими материалами при работе над собственными воспоминаниями.

Екатерину Романовну часто обвиняли в скупости. Но хочется обратить внимание на то, что самое великолепное из приобретенного во время своего путешествия по Европе в 1770 г. Е.Р.Дашкова не оставила в собственном пользовании, а поднесла обожаемой императрице. Это два стола со столешницами из зеленого камня, который приняли за глыбу самородного изумруда. Исследователи до сих пор не могут сказать точно, что это за минерал. В настоящее время столы украшают Зеленую Парадную гостиную Большого Кремлевского Дворца⁷⁰. Этот более чем щедрый подарок в очередной раз подчеркивает искреннюю привязанность княгини к Екатерине II и высокую оценку деяний российской императрицы, несмотря на «пятна на ее короне».

Итак, отношения Екатерины Великой и княгини Дашковой были весьма неоднозначны и менялись с течением времени. Взгляды их, имевшие источником философию Просвещения, во многом были схожи. Государственная деятельность на ниве Просвещения, скрепившая отношения двух выдающихся женщин, принесла прекрасные исторические плоды. Их личные взаимоотношения в какие-то периоды были дружескими, в другие — становились прохладными. Но для княгини, несмотря ни на что, государыня оставалась идеалом просвещенного монарха. А императрица всегда воздавала должное талантам своей сподвижницы и ценила ее преданность. Екатерина Романовна стала единственной женщиной, которой государыня позволяла подняться к вершинам власти.

Л.В.Тычинина

⁶⁹ *Елисеева О.И.* Сюжетные и текстовые параллели в «Записках» Екатерины II и Е.Р.Дашковой // *Е.Р.Дашкова и российское общество XVIII столетия.* — М., 2001. С. 73–88.

⁷⁰ *Гореликова-Голенко Е.Н.* «Изумрудные столы» княгини Е.Р.Дашковой // *Е.Р.Дашкова: Личность и эпоха.* — М., 2003. С. 77–85.